

НАКАЗАНИЯ СМЕРТЬЮ В ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ИХ ОТГОЛОСКИ В СОВРЕМЕННОСТИ¹

PUNISHMENTS BY DEATH IN THE TRADITIONS OF THE NORTHERN CAUCASUS AND THEIR ECHO IN THE PRESENT

**M. Tekueva
E. Nalchikova
M. Gugova**

Summary. The article examines the forms of the implementation of moral or physical punishment in the North Caucasus. For centuries in the region, an exceptional measure — the punishment by physical or civilian death (exile) — remained the most effective mechanism for maintaining public order. Also rudimentary manifestations of blood feud and modern versions of using traditional methods of punishment, including imposing collective responsibility for the crimes of militants on their families and forms of female participation in blood feud distorted by the transformation of traditional consciousness, are traced.

Keywords: ostracism, exile, the Northern Caucasus, civil death, execution, blood feud.

Текуева Мадина Анатольевна

Д.и.н., Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, (г. Нальчик)
tekmad@rambler.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна

К.и.н., Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, (г. Нальчик)
elenalchik@yandex.ru

Гугова Марина Хабасовна

К.и.н., Институт гуманитарных исследований —
филиал ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра
РАН, (г. Нальчик)
gugowa@mail.ru

Аннотация. В статье изучаются формы осуществления морального или физического наказания на Северном Кавказе. В регионе на протяжении столетий исключительная мера — наказание физической или гражданской смертью (изгнанием) — оставалась самым действенным механизмом поддержания общественного порядка. Также прослежены рудиментарные проявления кровной мести и современные варианты использования традиционных способов наказания, в том числе, возложение коллективной ответственности за преступления боевиков на их семьи и искаженные трансформацией традиционного сознания формы женского участия в кровомщении.

Ключевые слова: остракизм, ссылка, Северный Кавказ, социальная смерть, казнь, кровная месть.

Исследование смерти в традиционном сознании и культуре народов Северного Кавказа необходимо для понимания социально-политических феноменов современного общества. Так, например, историко-антропологический анализ традиционных мер наказания виновного через лишение жизни или приравниваемых к казни действий, поможет выявить «правовые нормы, техники управления и мораль, этос, практики относительно самих себя», которые применяются в структурах власти и политиках господства[29]. В этой связи правовые нормы традиционных обществ Северного Кавказа, поддерживавшие определенное социальное равновесие без применения жестких мер наказания, таких как тюремное заключение, пытки, казни и т.п., представляют несомненный практический интерес. Принципиальное значение имеют ответы на вопросы: Какие механизмы применялись в обществе к нарушителям морали? К людям, совершившим тяжкие преступления?

Возможно ли использование традиционных мер наказания в современной юридической практике?

В своей работе мы будем опираться на подходы, выработанные Мишелем Фуко[28, с. 168]. Основной вопрос, который ставится в статье, заключается в определении степени полномочий общества и потестарно-политических структур власти на соблюдение личных границ члена этого общества, в том числе на сохранение или нарушение целостности его тела.

Изучение форм наказания смертью: казни или того, что к ней приравнивается, — имеет не только философский или правовой смысл, но и социально-политический, а также культурно-антропологический.

Настоящим гуманистическим прорывом в Новое время для европейцев стала замена пыток и казней лише-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»

нием свободы, принудительными работами, каторгой и ссылкой. Эти карательные меры тоже связаны с физическим страданием, но невыносимая телесная боль уже больше не связана с уголовным наказанием. Для Северного Кавказа публичные казни, тюрьма и пытки изначально были нетипичны. На протяжении столетий общество применяло исключительную меру — наказание изгнанием, т.е. гражданской смертью, которое оставалось самым действенным механизмом поддержания общественного порядка в регионе. Физическая казнь также оговаривалась в обычном праве горцев, но ее осуществление делегировалось пострадавшей стороне конфликта по строго определенному порядку кровомщения.

Историографический обзор кавказоведческой научной литературы по проблеме наказания демонстрирует значительные лакуны в изучении наказания смертью. Сложившиеся стереотипы относительно того, что на Северном Кавказе не было принудительного заключения, ссылок и казней, переходящие из одного исследования в другое, препятствовали складыванию объективной картины повседневной жизни и месту в ней насильственных форм наказания. Одним из первых советских ученых-кавказоведов, актуализировавших проблему остракизма на Кавказе, стал Ю.Д. Анчабадзе[1]. На обширном источниковом материале он провел структурно-функциональный анализ феномена изгнания: от причин — к процедуре и последствиям.

Вопросы этнических особенностей северокавказского остракизма — «физическое отчуждение путем изгнания из своей среды» [15] — поднимались в научных трудах в русле становления истории юридической науки региона. Говоря же о собственно историко-этнографической науке, используемый местными исследователями материал по архаическому праву становился ценной источниковой базой для изучения исторической повседневности.

Условно можно разделить работы по кавказскому остракизму на два блока: анализ явления в традиционном поле и отношение к нему во второй половине XIX — XX вв.

Так, например, Б.Х. Бгажноков неоднократно рассматривал в своих этнографических трудах поводы к наказанию изгнанием, иначе называемым социальной смертью, у адыгских субэтносов[3; 4]. Его яркие примеры и обобщения позволяют говорить о значимости подобной формы социального отвержения в повседневной жизни традиционного адыгского общества. К числу современных исследований, в рамках которых изучалась проблема наказания смертью или изгнанием у адыгов относится диссертация Е.А. Нальчиковой[19], а также

серия коллективных танатологических научных публикаций[27;25;24].

В историографии Дагестана этой проблеме посвящена докторская диссертация Х.Г. Магомедсалихова «Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX — 30-е гг. XX в.)» [13]. На богатом этнографическом материале республики осуществлен анализ процедуры остракизма и казни. Эта тема развивается автором в ряде статей[15;14], где дано описание конкретных ритуалов изгнания нарушителей адатов тухумом — родовым коллективом. Сам остракизм автор трактует как поэтапную, обеспечивающую стабильность «систему мер и способов морально-нравственного самоочищения общества... профилактики возможных социальных конфликтов на почве аморального поведения» [14]. Солидарна с Х.Г. Магомедсалиховым и А.Г. Мусаева, публикующая работы как в соавторстве, так и самостоятельно[16;17;2]. К вопросу об остракизме в традиционном чеченском обществе обращается сегодня С.А. Натаев[20].

С.А. Лугуев и А.Ш. Абдурахманов рассматривали ссылку в российские провинции как меру наказания, способствовавшую вытеснению кровной мести[11]. Изгнание и ссылка как традиционный для Северного и Северо-Восточного Кавказа способ наказания, и в силу этого понятный горцам, широко практиковался Российской Империей. Эта статья может рассматриваться в качестве переходной ко второму блоку работ, посвященных изучению «лишения родины» как вида наказания.

Конечно, вопросы ментального отношения кавказских народов к изгнанию поднимались и раньше. Первая работа, в которой ярко отражена травматическая память народа о вынужденном переселении в пределы Османской империи в результате поражения горцев в Кавказской войне,— это монография Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» [5]. Сегодня к теме махаджирства добавились и другие аспекты проблемы.

Отдельным направлением научной мысли в русле истории повседневности становится изучение повседневного существования горцев в изгнании и ссылке. Так, Касаткина Е.Б. проанализировала жизнь ссыльных горцев Дагестана во второй половине XIX века в условиях полицейского надзора Вятской губернии[6]. Она пишет как об истории применения данной меры наказания по отношению к горцам, так и о причинах и механизмах использования административной ссылки. О повседневности ссыльных горцев Северо-Восточного Кавказа в Калужской области пишет и В.М. Красин[9]. Еще в 2011 г. он защитил диссертацию[8] по проблеме адаптации ссыльных горцев к новым социокультурным условиям

центральной России во второй половине XIX — начале XX вв. Эти же вопросы затронуты в процессе изучения межрелигиозного диалога православия и ислама на фактологических материалах повседневной жизни ссыльных горцев Северного Кавказа в середине XIX- начале XX века [12].

В указанных новейших исследованиях отражено ментальное отношение ссыльных горцев к положению изгнанников, символизировавшему их смерть для своего социума. Отношение к остракизму, как эквивалентному смертной казни, использовалось в традиционном правовом поле только индивидуально. Начиная же с середины XIX века выселение, ссылка и изгнание стали использоваться в отношении целых народов. В современном общественно-политическом дискурсе это приводит к периодической актуализации темы геноцида в отношении отдельных кавказских народов. Антропологический аспект проблемы этнических депортаций и опыта выживания в экстремальных условиях ссылки рассматривался в ряде последних публикаций авторов настоящей статьи [26; 23].

Изгнание воспринималось в кавказской культуре как наиболее строгая, исключительная мера наказания. В отношении каких же проступков или преступлений она могла быть применена? Их можно обобщенно разделить на две категории. Первая — убийство членов семьи и рода, инцест, или покушение на честь женщин своего родового коллектива, какой-то иной социально-неприемлемый проступок. Вторая — это отказ от мщения за кровь и честь близких родственников. Детализация этих преступлений носила локально-этнический характер. Однако, анализ преступлений, влекущих наказание изгнанием — тема другого специального исследования. В нашей же статье предпринимается попытка изучения форм осуществления морального или физического наказания общественным презрением и избавления социума от опасного для него члена.

Пренебрежение родового коллектива к нарушителю нравственности и порядка считалось более тяжким наказанием, нежели смерть преступившего закон: избегалось даже бытовое общение с ним, он не допускался к участию в общественных и семейных мероприятиях, будь то праздник или похороны. Отсюда традиционное «обозначение данной формы наказания у адыгских народов: *“унэмыхьэ — хьэдэмых”* — “непосещение дома — неучастие в похоронах”. А ведь отличительной чертой кавказских похоронно-поминальных обрядов была их массовость, многолюдность, соответственно, опозоренный человек навлекал на себя и “загробное сиротство» [18, с. 69]. В Абхазии не ставились надгробные знаки на могилах тех, кто был осужден обществом, уничтожалось пространство памяти о нем. Осетины стирали

память о преступнике разорением его хозяйства, вплоть до сожжения дома.

О том же — аварская пословица: «Апарагасул рукъ — росу раггалда, хоб — хабал раггалда», что значит: «дом пришельца (изгнанник, ищущий крова в другом тухуме / джамаате) — на окраине села, и могила — на краю кладбища» [15, с. 57]. Отношение к изгоям, прибывшимся к чужому аулу проявлялось в пренебрежительных деталях. Их название «апараг», означавшее просто «пришелец», имело негативную коннотацию. С ними старались не вступать в беседу, избегались от предметов, которыми они пользовались, «остатки его еды тут же выбрасывались на съедение псам с характерным возгласом: “От собаки к собаке”» [14, с. 297].

Таким образом, не подвергая человека физическому уничтожению, на Кавказе предавали неугодного обществу индивидуума «социально умерщвлению», лишая его крова, семьи, родины. При этом и само общество несло ответственность за преступление сородича. Нарушитель моральных норм навлекал неприятности и на круг ближайших родственников.

Примеры проявления коллективной ответственности за родственников в случае совершения ими особых преступлений встречаются и в современной жизни Кавказа. Так, в ходе освещения трагических событий в Москве (теракты 29 марта 2010 года на станциях метро «Лубянка» и «Парк Культуры» Сокольнической линии московского метрополитена) по телевизору прозвучала фамилия предполагаемого пособника террористов. Показательна реакция ближайших соседей однофамильца террориста. Наш информатор К-ва С.В. (1948 г.р., с. Чегем II, КБР), смотревшая с ними новости, выразили единодушное сочувствие соседу, носителю опозоренной фамилии. Таким образом, налицо сохранившаяся в этноментальных представлениях родовая солидарность и коллективная ответственность за каждого представителя клана. Действенность традиционных карательных мер опиралась на чувство коллективного стыда, а не на индивидуальную вину человека. Коллективная ответственность состояла и в том, что «в некоторых западных областях [Кавказа] наказывает преступника клан, к которому он принадлежит» [7, с. 586]. Исследователь М. Шенкао отмечал, что в подобных обстоятельствах «непосредственное наказание (будь то даже смертная казнь) он [преступник] примет от рук своих сородичей. По представлениям древних, не стоило мараить руки чужой кровью; пусть внутри рода разберутся и поступят по справедливости» [30, с. 9].

Тот же принцип коллективной ответственности распространялся на кровную месть. Суть это института состоит в адекватном ответе на убийство члена семьи.

То есть право на наказание смертью адресуется пострадавшей семье. Только брат, отец или сын могут принять на себя груз ответственности за казнь убийцы. «Отомстить убийце родича, «кровнику», считалось делом чести, долгом мужчины по отношению ко всей своей семье. Кровная месть, помимо военных набегов и охоты, являлась полем реализации истинно мужских качеств, проверкой мужественности и достоинства горца. К отказавшемуся от кровной мести относились как к трусу, что было, наверное, тягчайшим оскорблением для мужчины. Напротив, к отомстившему относились с глубоким уважением, что связано не только с подтверждением им своей мужской состоятельности, но и с соответствием обычаем, что в традиционном обществе являлось несомненной социальной и культурной ценностью» [10, с. 281].

Реализация законов кровной мести была в традиционном кавказском обществе носила обязательный характер. Неотомстивший мужчина был вынужден становиться изгнанником. Сохранилось одно из осетинских сказаний о смерти Сослана [21, с. 160], отразившее восхищение человеком, сумевшим отомстить обидчикам и после собственной гибели. А «идеальный» герой чеченцев и ингушей ни под каким видом не рассматривает прекращение кровной мести. Он лишь считает возможным несколько отложить ее, в случае, если его кровник будет не вооружён, ранен и не способен оказать достойного сопротивления» [10, с. 282].

В исторических источниках описаны редкие случаи убийства обществом по приговору (казнь), осуществлявшиеся несколькими способами: утопление, сбрасывание с горы и т.п. Чаще других в источниках упоминается утопление, что может объясняться, в частности, нежеланием «лично марать руки» убийством. Это позволяет найти объяснение некоторым фактам советской истории Северного Кавказа. В 20-х годах XX в. в тюрьмах Кабардино-Балкарии скопилось большое количество приговоренных к смерти преступников — в области не находилось согласных на работу палача. В традиционном «обществе поведение индивида всегда являлось кланово-репрезентативным, то есть человек не был волен в своих действиях, ему следовало помнить, что он представляет лицо своего рода, и в такой ситуации индивидуальность означала не свободу поведения, а способ и характер выражения “клановости”» [19, с. 102].

Международный резонанс получила история кровной мести Виталия Калоева, потерявшего всю свою семью в авиакатастрофе 2 июля 2002 года над Боденским озером, унесшей более 70 жизней, в том числе 45 детей. Не дождавшись сурового наказания для непосредственного виновника трагедии — диспетчера компании SkyGuide Петера Нильсена, через полтора года после

случившегося Калоев совершил возмездие над ним, нанеся ему несколько ножевых ранений. Месть Калоева и выбор оружия для ее совершения были приняты на Северном Кавказе с пониманием и даже — одобрением, что коррелируется с ментальными этническими установками.

Традиционные карательные механизмы пытаются использовать сегодня и в Чеченской республике. 19 апреля 2017 г. ее Глава заявил о намерении выселять из республики членов семьи террористов, объявляя их «соучастниками террора»: «если сын или брат стал на путь терроризма, если семья ему помогает, ... получают пенсии, пособия, прикрывая своего сына или брата, помогая им финансово убивать нас, таких людей мы будем выселять» (Russia Today).

Проблема наказания смертью в кавказской традиции актуализировалась в связи со случаями терактов в 2010-х гг. Они осуществлялись женщинами, называемыми СМИ «шахидками», «смертницами», «черными вдовами». По мотивации участия в подобных актах, их можно условно разбить на три группы: идейных, «шахиды по принуждению» и «мстители». Нас интересует последняя группа, в которую попадают родственницы убитых спецслужбами боевиков. Оптимальным считается вариант, когда потенциальная смертница будет дочерью или сестрой погибшего боевика. Например, «черные вдовы» участвовали в захвате заложников в столичном театральном центре на Дубровке (мюзикл “Норд-Ост”)» [22], а затем совершили теракт в Тушино. Несмотря на сформировавшиеся в современном информационном пространстве стереотипы, женская месть в кавказской традиции сводилась только к «подстрекательству», к поддержанию чувства обиды и т.д., но ни в коем случае не к личному отмщению. Женщина, взяв на себя миссию кровного возмездия, могла опозорить свою фамилию непосредственным вмешательством в «мужское дело».

Таким образом, мы рассмотрели традиционные карательные меры за тяжкие преступления. Это — наказание смертью и приравненное по значению к смертной казни изгнание преступника из родственного (сельского) коллектива. Также были прослежены современные варианты их использования, например, рудиментарные проявления кровной мести, в том числе, возложение коллективной ответственности за преступления боевиков на их семьи и искаженные трансформацией традиционного сознания формы женского участия в кровомщении.

Акцент сделан не столько на причинах смертного наказания, сколько на отношении к лишению жизни сородича и возможном адекватном замещении суровой

кары ссылкой из родного края. Кавказское общество не сформировало специальных карательных институтов с тюрьмами, казнями и обслуживающим их персоналом (полиция, надсмотрщики, палачи). Рациональное традиционное сознание рачительно относилось к человеческой жизни и к ответственности каждого члена общества за проступок сородича. Право карать смертью за убийство имел только кровный родственник убитого.

Важно отметить, что применение бойкота и изгнания — изоляция преступника от родственного коллектива и шире — лишение его родины, воспринимались как наиболее суровое наказание — социальная смерть. В этом мы видим причину фатального отношения народов Кавказа к этническим ссылкам, которым они подвергались в 1860-х гг. после Кавказской войны и в 1943–44 гг. в годы сталинских депортаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчабадзе Ю. Д. Остракизм на Кавказе // Советская этнография. 1979. № 5. С. 137–143.
2. Атаева П. А. Институт формирования гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7.
3. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96с.
4. Бгажноков Б. Х. Антропология морали Нальчик: КБИГИ, 2009. 124с.
5. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 540с.
6. Касаткина Е. Б. Ссылные горцы в Вятской губернии в 60-х — первой половине 70-х гг. XIX в // Вестник Вятского Государственного Университета № 7 2016 С. 33–41.
7. Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–628.
8. Красин В. М. Административно-ссылные горцы с Кавказа в губерниях центральной России во вт. пол. XIX — нач. XX вв. Дисс. . . уч. ст. к. ист. н. Брянск, 2011. 192с.
9. Красин В. М. Документы региональных архивов европейской России в изучении ссылки людей с Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX — начале XX века: историография и опыт исследования // Вестник института истории, археологии и этнографии. № 3 (43). 2015. С. 73–78.
10. Луговой К. В. Ритуал в нартовском эпосе народов Северного Кавказа. Дис. . . уч. ст. к. ист. н. М., 2007. 349с.
11. Лугуев С. А., Абдурахманов А. Ш. Обычай примирения кровников в Дагестане (XIX — начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6. С. 41–44.
12. Лысцева И. В. Межрелигиозный диалог православия и ислама: методы и формы (на фактах повседневной жизни ссыльных горцев Северного Кавказа в городах центрально-европейской части России в середине XIX- начале XX века) // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов конференции (Грозный, 1–3 декабря, 2016 г.). Махачкала: ЧГУ, АЛЕФ, 2016. С. 244–264.
13. Магомедсалихов Х. Г. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX — 30-е гг. XX в.). Дис. . . уч. ст. д. ист. н. Владикавказ, 2013. 387с.
14. Магомедсалихов Х. Г. Остракизм в дагестанском обществе: традиции и современность // Неклассическое общество: векторы развития: материалы конференции. Владимир, 2008. С. 297–301.
15. Магомедсалихов Х. Г., Мусаева А. Г. Традиции остракизма в дагестанском обществе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 5. С. 57–62.
16. Мусаева А. Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12–2. С. 75–77.
17. Мусаева А. Г., Атаева П. А. Право и мораль — важнейшие социальные регуляторы дагестанского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7.
18. Нальчикова Е. А. Гендерный аспект концепта «социальная смерть» в его этнографическом контексте // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 5 (80). Москва, 2007. С. 69–80.
19. Нальчикова Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов. Дис. . . уч. ст. к. ист. н. Нальчик, 2007. 233с.
20. Натаев С. А. К вопросу об остракизме в традиционном чеченском обществе // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 131–134.
21. Нарты. Осетинский героический эпос / Сост. Т. А. Хамицаева, А. Х. Бязыров. Т. 2. М.: Наука, 1989. 492с.
22. Сайко А. В. Причины участия женщин в террористической деятельности // Аспирант. 2007. № 7. С. 33–36.
23. Текуева М. А., Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Битокова Т. В. Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Кавказология. 2017. № 4. С. 145–157.
24. Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Смерть в традиционном сознании и культуре народов Северного Кавказа // Историческая антропология Северного Кавказа. Нальчик: КБГУ, 2017. С. 152–226.
25. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х. Исторические аспекты структур повседневности: риторика скорби у народов Кавказа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 7–2. С. 38–44.
26. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–1. С. 71–74.
27. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х., Маремшаова И. И. Феномен смерти в кавказской культуре: историография и методология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2017. № 4. С. 72–83.

28. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480с.
29. Фурс В. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. 2002. № 2. С. 120–152.
30. Шенкао М. А. Специфика мифо-эпического сознания. Черкесск: Нартиздат, 2005. 112с.

© Текуева Мадина Анатольевна (tekmad@rambler.ru),
Нальчикова Елена Аниуаровна (elenalchik@yandex.ru), Гугова Марина Хабасовна (gugowa@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова